

Теодорих не стремился к независимости от Восточной римской империи: монеты, чеканившиеся по приказу этого варварского короля, имели на одной стороне монограмму императора, а на другой — его изображение. Народ, во главе которого стоял Теодорих, более столетия жил в пределах империи и, несмотря на частые мятежи против императорских чиновников, относился с неизменным почетом к императору. Сам Теодорих в юности много лет жил в Константинополе. Поэтому он не мог быть и никогда — за исключением последних лет своей жизни — не был врагом ни империи, ни римской цивилизации. Считая, вероятно, положение своего народа мало отличным от положения тех варварских войск, которые римляне издавна вербовали для защиты своих границ, он оставил за остготами их военные функции; в сфере гражданского управления он сохранил неприкосновенной старую римскую иерархию, оставив на местах прежних должностных лиц, а также сохранив за каждым должностным лицом его прежние функции.

Теодорих отнюдь не стремился к слиянию варваров с римлянами (этому слиянию препятствовал, в частности, такой фактор, как различие религий), однако он стремился упрочить, по мере возможности, их мирное сосуществование. Именно эту цель преследовал изданный им эдикт. Эдикт Теодориха представлял собой краткое изложение норм римского права, главным образом уголовного; этим нормам были в равной степени подчинены как римляне, так и готы.

Столь определенная политика, а равным образом тот факт, что при Теодорихе министры и советники избирались из среды римской аристократии, позволяют нам прийти к следующему несомненному выводу: в правление Теодориха не только не было осуществлено сколько-нибудь глубоких преобразований тех учреждений, которые почти два столетия регулировали экономическую и социальную жизнь Италии, но даже не было сделано никаких попыток приступить к такому преобразованию. Панагиристы Теодориха утверждают, что именно благодаря ему в этот период состояние экономики Италии заметно улучшилось; однако для такого утверждения нет достаточных оснований. Нельзя отрицать, что во время тридцатилетней передышки между вторжениями, в период относительного покоя и безопасности, создались условия